

Была пятница, Фролов возвращался домой с работы. В коридоре общежития пахло кислыми щами, и Фролов по привычке задержал дыхание, проходя мимо кухни. За кухней начинался длинный коридор с потертым линолеумом. Фролов подошел к своей комнате и сунул ключ в замочную скважину. Раздался короткий двухчастный звук: щелк-щелк — и дверь открылась.

В этой комнате Фролов прожил почти полжизни. Сервант и ширма делили пространство на части: пятачок у двери имитировал прихожую, за ним стояла ширма, за ширмой стол, диван, телевизор. Над головой нависали антресоли. У окна за сервантом прятался уголок сына — там он спал и делал уроки. Обычно Фролов ходил по комнате, как по узкому лабиринту — то бочком, то в полуприседе, боясь задеть локтем старые санки, висящие на гвозде.

Фролов остановился у двери и поставил портфель на пол. Он хотел сесть и разуться, но увидел под стулом чужие ботинки. Ботинки были очень хорошие, югославские. Фролов

Даша Почкуева

скользнул взглядом вверх. Со спинки стула свисал рукав голубой рубашки в узор из огурцов.

Из глубин комнаты раздался женский голос:
— Вань, ты, что ли?

Раздался шорох, скрип дивана и неразборчивый шепот. Из-за ширмы выглянула жена Лена, замотанная в длинное покрывало.

— Ой, Вовка! Ты почему так рано?

За ее спиной снова скрипнул диван.

Фролов хотел напомнить, что в воскресенье День строителя — из-за него на заводе сокращенный день, — но слова были лишними. Диван скрипел нестерпимо громко; гость, кем бы он ни был, судорожно пытался производить поменьше звуков, и чем больше пытался, тем больше шумел. Жена покраснела и сдула со лба прядь волос.

Вдруг Фролов все понял. Ему стало легко. По лицу Лены он сообразил, чего она ждет: он должен скандалить, грязно и громко, чтобы сбежались соседи, любовник кубарем покатился по лестнице, а вслед ему полетели югославские ботинки и рубашка с узором. Еще было бы хорошо, если бы Фролов зарыдал, побил посуду в серванте, а потом до ночи сидел бы на кухне, качаясь на табуретке, и пил водку за три шестьдесят две.

Вместо этого он развернулся к двери. Лена тихо сказала:

— Вов... ты послушай...

Но Фролов уже не хотел слушать. Он вышел из комнаты, миновал длинный коридор

и лестницу, потом вынырнул на улицу и остановился у стены перед палисадником.

Стоял жаркий звенящий август. В воздухе пахло поздним летом, скошенной травой и цветущей мальвой. За зарослями пышных розовых цветов виднелись желтые «Жигули», припаркованные у забора. Мимо прошел дворник с метлой. У него было широкое доброе лицо с раскосыми глазами; на затылке красовалась грязная тюбетейка. Сдвинув тюбетейку и почесав затылок, он сказал Фролову: «Здрасьте».

– Здрасьте, – согласился Фролов.

Немного погодя на улицу вылетел взмыленный мужик в рубахе с узорами. Он пронесся мимо Фролова и дворника, не замечая их, и бросился к «Жигулям». У Фролова было секунды три на то, чтобы разглядеть детали: стриженный затылок, бледную шею, длинные ноги-ходули.

Фролов провожал взглядом любовника жены, и какое-то новое чувство накатывало на него волнами. Брак сдулся, как выпущенный из рук воздушный шарик, и полетел вверх и вниз, с каждой секундой съеживаясь и истончаясь.

* * *

А начиналось все неплохо.

Фролов встретил Лену семнадцать лет назад в гостях у Шурика Егорова. Лена сидела на диване в углу, скрестив длинные ноги в капроновых чулках.

Даша Почкуева

— Знакомься, — сказал Шурик. — Это Лена, мы вместе учимся.

Фролов и так знал, кто она такая. Шурик бредил ею уже недели три. На Лене свет сошелся клином; все дороги вели к ней, мысли сворачивали к ней, разговоры — к ней. Фролов еще не был знаком с Леной, а она уже порядочно ему осточертела.

Влюбившись без памяти, Шурик позвал Лену на день рождения в надежде, что абхазское вино и родительская квартира сделают свое дело, но затея была обречена. Лена никого здесь не знала, тяготилась чужой компанией и весь вечер норовила уйти. Шурик умолял ее задержаться еще чуть-чуть.

Гости смутно догадывались, что Лене плевать и на Шурика, и на его квартиру, но тактично помалкивали, чтобы не обижать именинника. Кто-то шепнул Фролову на ухо: Ленка ему не пара, слишком красивая. Она и правда была красивая, из породы женщин, которых побаиваешься: величавая, с покатыми плечами и прямой спиной. Ее немного портило лишь обилие косметики: в тот вечер она зачем-то жирно обвела губы и еще жирнее — брови. Темные волосы она закрутила в пышные кудри по последней моде. Над верхней губой темнели еле заметные усики — лет через пять Лена начала стесняться их и выщипывать, а тогда считалось, что это добавляет темперамента. Создавалось обманчивое впечатление, что характер у Лены не дай боже.

Шурик обхаживал ее как мог: подливал вина, подкладывал в тарелку салат и иногда якобы случайно задевал локтем. Лена оставалась безучастной. К концу вечера Шурик напился, обнаглел и зажал Лену около вешалки в коридоре. Она вывернулась, схватила сумку и выскочила на лестничную клетку.

Фролов как раз вышел покурить. Лена стояла у окна, размазывая по щекам слезы. Чулки порвались, прочертив длинную полосу над щиколоткой. Фролов в нерешительности остановился, теребя сигарету в пальцах.

— Все хорошо? — спросил он после паузы. Вопросы он задавал глупые, а выглядел и того глупее. Лена бросила на него короткий взгляд через плечо.

— Да, я... Я просто забыла пальто.

Голос у нее был бархатный, очень красивый — с таким голосом петь бы в русском хоре. Фролов, как положено джентльмену, сходил за пальто. Пока его не было, Лена успела успокоиться, вытерла щеки и теперь глядела исподлобья. Фролов чувствовал себя обязанным чем-то ей помочь, но не знал чем.

— Ты прости за Шурика. Он, как выпьет, становится дурной.

Она промолчала. Он посмотрел на ее ровные чулки.

— Живешь далеко?

Лена насторожилась.

— А что?

Даша Почкуева

— Поздно уже, троллейбус не ходит. Придется пешком идти.

— Я... я у автовокзала.

Он прикинул: ехать минут двадцать, пешком больше часа.

— Можешь остаться у меня в общеаге. Постелю на тахте, сам лягу на пол. Только пододеяльника нет.

Она продолжала глядеть на него со смесью недоумения и опаски. Тогда он еще не знал, что Ленка не из пугливых, просто Шурик выбил ее из колеи. Лена приняла любезность Фролова за грубые ухаживания, хотя он просто хотел ее выручить.

Раздумывая, она раздавила окурок о край жестяной банки.

— А ты когда пойдешь?

— Не знаю, — сказал Фролов. — Можно хоть сейчас.

— Общеага где-то рядом?

— Да, через два дома.

Фролов сделал все, как обещал: привел Лену в общеагу, постелил на тахте, сам лег на пол. Много лет спустя она рассказывала, что в ту ночь приготовилась отбиваться, но Фролов сразу уснул, и ночь прошла спокойно.

Утром Фролов угостил Лену бутербродами и налил чаю. Перед завтраком она смыла боевой раскрас. Теперь на Фролова смотрели большие, круглые и беззащитные глаза, полные смутного беспокойства — будто Лена уже тогда догадывалась, что с ним что-то не так,

и желала знать, что именно. Несколько дней спустя, убедившись, что Фролов безопасен во всех отношениях, Лена пригласила его в кино. Он бы отказался, но показывали отличный трофейный фильм.

Так между ними завязался странный, отстраненно-холодноватый роман. Обиженный Шурик сначала скандалил, потом смирился и стал расспрашивать Фролова о свиданиях. Фролову нечего было рассказать: ну да, были в кино, затем гуляли по парку. Катались на велосипедах. Она рассказывала об институтской программе. Разок поцеловались.

Ну, такое. Нормально.

— Нормально? — возмутился Шурик. Его потрясло, что Фролову даром достается то, что сам он выбивал с боем.

Конечно, этому стоило порадоваться. Но Фролова вообще мало что радовало. Его отношение к женщинам было осторожно-избегающим; периодически он с кем-то сходил, но всегда держал дистанцию. Не умел ни соблазнять, ни отказывать. Фролов избегал всего, что могло поставить его в неудобное положение, и после нескольких скоротечных и малоинтересных историй свыкся с чувством несовпадения. Выбирать партнершу сердцем не получалось, поэтому он выбирал умом. Из всех девушек, что ему встречались, Ленка была самой-самой. Умная и красивая, не скандальная, не легкомысленная — что еще надо. К тому же она сама проявляла инициативу — видимо,

Даша Почкуева

после Шурика Фролов приятно удивил ее тем, что не пытался сразу затащить в койку. Фролов смотрел на Лену и думал: что ж, если уж с ней не получится, то с кем тогда? С кем-то же надо.

В тот год жизнь еще не вошла в колею. Фролов только-только приехал из Ленинграда по распределению. Вокруг простиралась серая хмарь — это был город трестов и комбинатов, строительных кранов, ремонтных цехов, и небо над ним всегда блекло-бурое. На заводе Фролов познакомился с Шуриком, обзавелся еще парой приятелей и подал заявку на общежитие. Ему дали большую комнату — семнадцать с половиной метров, угловую, с двумя окнами. По меркам тех лет, все складывалось неплохо. Фролов решил, что года три поработает по распределению, как полагается, а потом сообразит, что делать дальше. Время есть.

В первый год он много кутил: что ни день, то пьянки с Егоровым, ночные распевы под гитару, кино, вино и танцы по пятницам в местном доме молодежи. Увеселения быстро ему наскучили. На второй год Фролов пошел от обратного и с головой окунулся в работу, но и пламенный труд тоже не увлек. Он не то чтобы не любил работу, скорее не видел в ней ничего заманчивого: какие-то документы, бумажки, заводские отчеты. Поступило пять тонн стали, израсходовано четыре с половиной тонны — что тут может вдохновлять.

Шурик понимал ситуацию иначе.

— А знаешь, Вовка, я тебе завидую. Работа непыльная, не вагоны разгружать. Разобрался с бумажками и в пять уже свободен. Можешь болтаться, где хочешь, девчонок клеить. И главное, все не навсегда. Отработаешь свои три года, а потом рванешь домой, в Ленинград, и поминай как звали. Вот это житуха!

Ленинградское прошлое Фролова вызывало у всех вокруг деятельное уважение. Лене тоже очень нравилось, что Фролов нездешний, и не просто приезжий парень из области, а кавалер из культурной столицы. От всех прочих ее поклонников Фролов отличался усталостью от жизни. Эта черта мало вязалась с обликом молодого человека двадцати трех лет, она добавляла ему мнимой опытности, привлекательной в глазах сверстников. Лена принимала безразличие Фролова к местным порядкам за столичную пресыщенность, холодность — за воспитанность, тоску по прошлому — за поэтичность.

Годы спустя, когда у них уже родился Ванька и деться друг от друга было некуда, Фролов наконец осознал, что очень плохо знает Лену. Да и Лена знает его не лучше. Она достраивала Фролова в своем воображении, добавляла ему несуществующие черты характера, вкусы и стремления. Иногда он замечал, как она мимоходом роняет свои странные выводы таким тоном, будто на свете нет ничего очевиднее. «Ты же любишь баклажаны», «Ты, кстати, хотел поехать к ребятам на дачу», «Когда до-

Даша Почкуева

говоришься о повышении, мы купим новый диван».

Ленка брала информацию о нем неизвестно откуда — не спрашивая, а додумывая. Поначалу Фролов сопротивлялся, но пыла хватило ненадолго. Его стало раздражать, что Ленка вечно сочиняет ерунду и принимает его за черт-те кого; ее, в свою очередь, раздражало, что подлинный Фролов сильно отличается от додуманного. Она не говорила этого вслух, но инстинктивно он понимал, что Лена предпочла бы жить с человеком куда более открытым. Он почти ничем с нею не делился, редко и мало говорил о себе, увиливал от прямых вопросов о прошлой жизни, особенно о женщинах. Поначалу Лена предполагала, что он скрывает от нее разбитое сердце — скажем, несчастную любовь к какой-нибудь ленинградской актрисе. Потом догадалась, что разбитого сердца не было: Фролов не любил ни Лену, ни тех, что были до нее. Это оказалось еще хуже.

Сын появился у них случайно. Ленка забеременела через два месяца после встречи с Фроловым. В первую неделю задержки она напряженно помалкивала, а затем заявила, что знает какую-то бабку. Фролова это возмутило, и они долго спорили. В те годы ему казалось, что ребенок не дается просто так. Родительство — это что-то вроде испытания, которое нужно пройти, чтобы стать лучше. Он был готов к испытанию; не признаваясь в этом даже себе, он ждал такого испытания много

лет и страстно хотел доказать всему миру, что достоин семьи, достоин нормальной жизни, и вообще — во всех отношениях он ничем не хуже других.

Он твердил: давай оставим ребенка. Лена хмыкала, всем своим видом выражая сомнение. В этом звуке он слышал упрек, который она не смела произнести вслух: мол, ты, дружок, сегодня здесь, а завтра там, а мне воспитывать.

Фролову стало обидно, что его связь с еще не рожденным сыном низвели до такой незначительной малости. Он еще не успел проявить себя, а уже был объявлен никудышным отцом.

— Мы ведь могли бы пожениться, — ляпнул Фролов, не задумавшись. Хотел вернуть себе власть над обстоятельствами.

Ленка взгляделась в его лицо еще пристальнее, округлила глаза и засмеялась. И так звонко, так весело смеялась, будто нарочно хотела растоптать в нем самое ценное.

— Лена, я не шучу. Выходи за меня. У меня есть комната в общежитии, сможем в углу кроватку поставить. Да, не хоромы, но ребенку много не надо. У завода детский садик хороший.

Когда схлынула первая злость, Фролов и сам поверил в живописную картину будущего, которую описывал Лене. Ему привиделась детская кроватка у окна, игрушки на паркетном полу, прогулки с коляской по парку, песочница, смешные грабельки, цветные

Даша Почкуева

рейтузы в складочку, а потом — дача, кошка, большая добрая собака, лампа с бахромой, скатерть в клеточку и сладкий запах яблок. Идиллическое детство, которого не было ни у него, ни у Ленки; оба втайне о нем мечтали и порывались создать.

Ленка сначала не верила, потом отнекивалась из упрямства, потом взяла паузу и посоветовалась с матерью. Мать сказала: соглашайся, дура, второго шанса может и не быть. И Лена согласилась.

* * *

Расписались в марте. Пришли Шурик Егоров, пара общих приятелей, Ленкина подруга Ляля и родители.

Мама Лены — Тамара Лаврентьевна — оказалась величественной, говорливой и всем недовольной дамой, чья красота уже клонилась к закату, но все еще поражала воображение. Рядом с ней муж, и без того невзрачный, выглядел неприметным, как камень. Его звали Михаил Иванович, он все время улыбался, и всякий раз очень застенчиво, будто не вполне уверенный в своем праве на улыбку. Фролов мысленно называл тещу царицей Тамарой, а тестя — ее вассалом.

Глядя на Фролова, царица Тамара всякий раз чуть поджимала губы, выдавая досаду. Зять ничем не мог ее поразить. Небогатый парень с завода, сделавший предложение из-за бере-

менности, не бог весть какой обаятельный, широкоплечий, но не то чтобы статный и уж точно не одаренный академическими талантами. Даже не очень остроумный. Даром что ленинградец — и спасибо, что не деревенщина, — а в остальном глазу не на чем отдохнуть.

Глядя на Ленину мать, Фролов кое-что понял и о самой Лене. Вот откуда ее незащищенность, стремление соответствовать ожиданиям и страх быть отвергнутой. Лену разрывало между противоречивыми желаниями — она хотела одновременно и угодить матери, и в то же время размежеваться с нею, четко обозначив свою инаковость. Может, именно это общее чувство и сблизило Фролова с Леной. Как куклы из одного набора, они были сломаны похожим образом. После свадьбы у них даже случился период душевного подъема, который с натяжкой можно было назвать влюбленностью. Вдохновленные собой, друг другом и открывшейся картиной будущей жизни, они в первый и последний раз съездили вместе в Ленинград.

Ленинград, город-мираж. Столица империи, канувшей в Лету. Прошлое, которое не вернуть, на которое больно смотреть, а не смотреть невозможно. С поезда Фролов сразу повез жену в мамину квартиру. Дом был хороший, трехэтажный, упрятанный во дворе другого дома на пересечении Гагаринской и Чайковского. Мать открыла дверь, увидела Ленку с округлившимся животом и застыла от изумления.

Даша Почкуева

— Мама, это Лена. Лена, это мама.

Дальше — хлопоты, чай и матрас, расстеленный в коридоре. Бестолковое знакомство было омрачено недоумением, которое мать тщательно и безуспешно пыталась скрыть. Фролов ничего не говорил ей о Ленке, женитьбе и будущем внуке. Изредка звонил и спрашивал какую-то ерунду, а о главном даже ни словом не обмолвился.

Ленка тоже поняла, что ее никто не ждал, и быстро нашла причину. Брюхатая жена-провинциалка, ну конечно. Неудивительно, что Фролов постыдился говорить о ней матери.

Фролов не мог объяснить, что дело не в стыде. Наоборот — он не только не стыдился Лены, но и собирался ею похвастаться. Беда была в том, что мать не оценила красивого жеста; пытаясь ее впечатлить, Фролов вечно промахивался в деталях.

Той же ночью Фролов столкнулся с матерью на кухне. Лена уже спала на диване в большой комнате, через стенку было слышно, как она посапывает, уткнувшись носом в подушку. Включив лампу на подоконнике, мать заваривала чай.

— Кипятка плеснуть?.. Нет, стой, не уходи. Сядь и посиди с матерью.

Со вздохом он сел за стол. Мать поставила перед ним чашку и тоже села. В свете лампы он заметил, что она седеет: полголовы будто пудрой присыпало.

— А ты что, взял моду сутулиться? Похож на какое-то чучело.

Он послушно выпрямил спину.

— Вот, так-то лучше. А теперь поговорим насчет этой девушки. Знаю, ты стараешься исправиться. И это, конечно, не так плохо, но я в упор не понимаю, чего ты пытаешься добиться детскими выходками. Ладно, хорошо, решил жениться — пусть, это тебе полезно... Но ребенок? Так скоро? Неужели ты не понимаешь, что можешь испортить девушке жизнь? Или чужая жизнь для тебя уже ничего не значит?

Внутренности Фролова сковало холодом. Он чувствовал, как холод змеится в кишках и желудке. Это был застарелый страх перед матерью, преследующий всех детей, не оправдавших ожиданий.

— Мам, — сказал он нетвердым голосом. — Я тебя прошу...

— Вова, рассуди сам. Эта девушка ведь хочет семью и ребенка. Она не знает, какой ты на самом деле, она не знает, что ты только стоишь на пути исправления, и впереди еще очень много работы.

— Мам, — тихо сказал Фролов, — эта девушка — моя жена. И я... знаешь, я же ничем не хуже других.

— Да неужели, — сказала мать, не скрывая сарказма. — Кому угодно можешь рассказывать, а вот мне не надо. Вспомни хотя бы про дядю Яшу.

Даша Почкуева

У Фролова сдавило горло.

— Прости, я... я очень устал и хочу спать, — он встал из-за стола.

— Сядь и послушай, что я скажу. Являешься сюда раз в пять лет и еще смеешь меня игнорировать?

— И вовсе не пять...

— Ты чего там ямлишь? Говорить нормально не можешь?.. Сядь, я сказала.

Дрожа, Фролов вынырнул из кухни в коридор и лег на свой матрас. В темноте было слышно, как мать сердито гремит чашками. Потом всю неделю она пыталась вызвать его на разговор. Избегая ее, Фролов с утра уходил из дома и возвращался лишь к ночи. Он водил Ленку по Невскому и Литейному, показывал вестибюли метро, Эрмитаж и Петропавловскую крепость. Город испугал Ленку имперским размахом. Она бы впечатлилась красотой Ленинграда, если б красота была строго дозирована: одна-две купеческие улицы, а вокруг — обычный советский пейзаж. Увы, Ленинград был несдержанно велик. Каждая улица в центре кричала, что она принадлежит прекрасному, давно ушедшему миру, к которому ни Ленка, ни ее семья не имели никакого отношения.

Из вежливости Лена улыбалась, но было видно, что благосклонность напускная. С таким выражением лица люди выдают дежурные комплименты — без энтузиазма, но не желая обижать.

Когда пришло время возвращаться домой, Лена с облегчением залезла в плацкартный вагон, достала книжку из сумки и погрузилась в чтение. Фролов сидел у столика и смотрел, как Ленинград проплывает мимо — казалось, не он уезжает из города, а город отдаляется от него.

— Слушай, Лен... — Он подумал и внезапно сказал: — А давай переедем сюда.

Лена, отложив книгу, воззрилась на него с сомнением.

— Переедем? Зачем?

— Ну как? В Ленинграде больше возможностей. Для нас, для ребенка. Да, поначалу будет нелегко, однако потом, через пару лет...

— Вов, мне рожать скоро.

— Я помню.

— А у тебя распределение.

— Тоже помню.

— И как ты вообще себе это представляешь? Думаешь, это легко?.. Может, нам вообще не дадут разрешения. Да и твоя мать вряд ли будет в восторге, если мы у нее поселимся.

— У нее? Нет-нет, не у нее! Слушай, я имел в виду, найдем работу, добьемся общежития, а там, может, и квартиру дадут.

— И чем это отличается от нынешней жизни?

— Ну... Если так рассуждать, то конечно... Но ты все-таки не воспринимай в штыки. Конечно, необязательно переезжать сейчас. Подождем, когда ребенок родится, там видно будет. Просто держи в голове эту возможность.

Даша Почкуева

— Да нет никакой возможности. К тому же с малышом я тем более никуда не поеду.

В запасе у Лены был десяток аргументов, почему уезжать не стоит — или, по крайней мере, не сейчас. Сначала она говорила: куда таскаться с младенцем, пусть Ванька хотя бы пойдет в ясли. Затем придумала доводы посложнее: здесь точно есть работа, а там ее надо искать. Прописку могут и не разрешить. Работа может и не найтись. А еще здесь друзья, здесь мама с отцом. Фролов чуть не брякнул в ответ: чего ты держишься за эту маму, она еще хуже моей.

Он догадывался, что был еще один аргумент, главный, но его Ленка никогда не озвучивала: Ленинград большой, там она никто, всю жизнь надо выстраивать заново. Фролову приятно быть никем — так он не привлекал к себе лишнего внимания. Но Лена всегда хотела стать кем-то.

Фролов уже тогда замечал, что они ни в чем не совпадают — ни в стремлениях, ни в мечтах, ни в представлении о том, что такое счастье. Но был один общий жизненный план — квартира. Через пару лет после рождения Ваньки Фролову пообещали по профсоюзной линии двушку в новом доме от комбината.

Очередь двигалась медленно — заводу вечно не хватало материалов. Несмотря на вечные скандалы в профкоме, дома сдавали с большой задержкой. Положение Фролова в очереди было шатким: поначалу он находил-

ся в первой тысяче счастливых, но потом что-то изменили в системе подсчета, и Фролов съехал на две тысячи двести семьдесят девятое место. Вперед стали выдвигать ветеранов войны и ярых общественников. Потом дошла очередь до многодетных семей, затем — до семей с двумя детьми. Если бы у Фроловых был не только Ванька, но еще и дочка, дело пошло бы быстрее. Фролов даже уговаривал жену завести второго ребенка, но она не соглашалась. Был еще один вариант — съехаться с родителями жены или хотя бы просто прописать Тamarу Лаврентьевну в общежитии. Но тут уже сам Фролов был против.

Лет восемь назад каким-то непостижимым образом Фролов скакнул на тысяча восемьсот десятое место, но затем вляпался в нехорошую историю, перепутав документы при сверке. Ему сделали выговор за халатность на партсобрании — благо, без занесения в трудовую книжку, — а затем он снова переместился назад, в пятую тысячу несчастных.

Впрочем, номер в очереди ничего не обещал. Жилищные условия Фролова были не так уж плохи, и при каждой смене обстоятельств его легко сдвигали. Фроловы жили не в бараке, а в просторной комнате. Полагалось иметь не меньше шести квадратных метров на человека, а у них было пять целых семьдесят три сотых. В более невыгодном положении были только бездетные холостяки. Однажды Фролов по доброй воле уступил очередь Свете Ники-

Даша Почкуева

форовой из отдела кадров — она уже три года жила на тех же семнадцати метрах, но у нее были муж, двое детей, да еще свекор. И, кстати, свекор парализованный. Рядом с такими случаями претензии Фролова на квартиру звучали смехотворно, и он даже сам торопился от них отказаться, лишь бы кто-нибудь не подумал о нем дурного.

Был еще вариант — бросить все и уехать куда-нибудь в закрытый город, где срочно нужны специалисты, а стало быть, и квартиру можно получить быстро. Но идею отъезда куда бы то ни было Лена по-прежнему не разделяла. В душе Фролова теплилась надежда, что все еще сбудется. Он ловил намеки и слухи в курилках, и чутье подсказывало, что однажды он дождется. Пусть не сейчас, пусть через пять лет, но квартира будет. Эта мысль скрепляла брак и давала им с Леной надежду на общее будущее.

Мечта о возвращении в Ленинград постепенно выветривалась, как выветриваются духи в старом флаконе. С каждым годом она казалась все более фантастичной. Фролова повысили до старшего сверщика. Ленка нашла работу в трамвайном депо. Ванька пошел в детский сад. Комната, в которой они жили, год от года заполнялась новыми вещами: санками, зеркалами, тумбочками. На смену детской кроватке пришла длинная тахта. Рядом с ней появился стол, где Ванька мог заниматься. Сервант забился книгами, посудой, сувени-

нирами, постельным бельем. С каждым годом нажитое добро становилось все более неподъемным грузом. Забрать его с собой было бы трудно, а бросить еще труднее.

Иногда Фролов звонил сестре и спрашивал, как дела в Ленинграде. Катька в ответ сообщала, что здоровье матери становится все хуже. Мать страдала тяжелой формой сахарного диабета. Фролов искал в себе сочувствие к ней, но не находил. Ему вообще не хотелось общаться с матерью; всякий раз, когда Катя предлагала передать ей трубку, Фролов находил повод завершить разговор.

Однажды он нашел в ящике письмо — аккуратный конверт с ровно приклеенной маркой и ленинградским штемпелем. В конверте лежало два листа, исписанных мелким убористым почерком. Фролов пробежался взглядом по строчкам: мать просила привезти внука на каникулы в Ленинград, упрекала Фролова в черствости и неблагодарности и сетовала, что жить осталось всего ничего. Письмо завершалось фразой: «Я знаю, у нас были разногласия, но все же надеюсь, что в тебе еще осталась толика порядочности».

Порядочность. Фролова задело это слово. Мать была помешана на благопристойности. В ее представлении вся жизнь должна быть расставлена по полочкам, расчерчена, согласована с обществом, ни шагу вправо-влево.

Положа руку на сердце, именно так Фролов и жил: старательно соблюдая приличия, боясь

Даша Почкуева

осуждения и лишних домыслов. Но мать считала, что этого мало. Уже много лет он не давал повода подозревать себя в грехах, однако мать придирчиво присматривалась к нему, высказывала сомнение. Даже этим письмом, которое вообще-то относилось к Ваньке, мать намекала, что, уехав из родительского дома, Фролов растерял сакральное знание о приличиях.

Вот что она пыталась ему вдолбить: сам по себе, без матери и ее бдительного ока, Фролов мало что собой представляет, норовит сразу согрешить и испортиться, но она спасет его. Укажет на несовершенство. Напомнит про грех и, если понадобится, осудит за него — разумеется, ради общего блага. В знак доброй воли, признавая пользу такого воспитания и выражая благодарность, Фролов должен доверить ей воспитание внука. Это было последнее, что Фролов собирался сделать.

Положа руку на сердце, никакого особого воспитания Ваньке и не требовалось: он рос сам по себе, как подсолнух в поле, — счастливый ребенок, не знающий страха, не обожженный виной, не желающий зла ни себе, ни другим. Фролов так отчаянно боялся его испортить, что перегибал палку с контролем: он присматривался к каждому шагу сына, каждому слову и жесту, выискивая худшие черты, которые Ванька мог унаследовать. Как-то раз он пришел забирать Ваню из садика. Натягивая колготки, сын мечтательно произнес:

— А вы с мамой правда устроите праздник?

Это была Ленкина идея — отметить Ванькин пятый день рождения, позвав в общагу малышню из детсада.

— Правда.

Ваня улыбнулся, надел уличные штаны поверх колготок и уточнил:

— И будет торт?

— Будет.

— И Никиту позовем?

Фролов наклонился к сыну, чтобы помочь завязать шнурки на ботинках, и осторожно ответил:

— И Никиту, и Валеру, и Витю тоже.

— А Наташку?

— Какую Наташку?

— Наташку из нашей группы, — сбивчиво объяснил Ваня и порозовел.

У Фролова в груди что-то екнуло. Он завязал сыну шнурки и принялся подпоясывать на нем серый кроличий полушубок.

— Эта Наташка тебе нравится?

— Ну... да... Знаешь, у нее волосы красивые, очень длинные. И она дает мне конфеты, — задумавшись, Ваня предположил: — Наверное, она меня тоже любит, а то бы не давала.

— Само собой, — согласился Фролов и взял сына за руку.

Ванька приосанился. Всю дорогу он напевал что-то себе под нос, обрадованный и обнадеженный: Наташка обязательно придет. У Фролова жгло глаза. Он так и не понял, что это — счастье или печаль. Казалось удивитель-

Даша Почкуева

ным, что мальчик не знает, какое проклятье над ним нависало, какая мука, какая кара за неведомые грехи; все это только что лопнуло, как мыльный пузырь, и радость даже отметить было не с кем.

Фролов сказал себе: видишь, не все так плохо. Пусть ты с гнильцой, но хотя бы сын у тебя нормальный. У мальчика будет счастливая семья, хорошая работа. Он вырастет лучшим человеком, чем ты. Станет сосудом для всего, к чему ты не подходишь. Теперь главное — оградить Ваню от того, что могло бы сбить с пути.

В итоге Фролов выбросил письмо матери, не рассказав о нем ни сыну, ни жене.

Мать умерла через полгода. Уведомление от сестры пришло по почте уже после похорон. Узнав о смерти матери, Фролов не испытал ни горя, ни радости. Горевать было не по чему: материнская любовь, и без того хрупкая и переменчивая, была потеряна давным-давно. Смерть ничего не прибавляла и не убавляла.

Через три месяца, когда Шурик в очередной раз завел речь о Ленинграде, Фролов неосторожно обмолвился, что мать умерла. Шурик немедленно заявил, что нужно нагрянуть в Ленинград и заявить права на квартиру. Разве это дело: Фролов с женой и сыном ютятся в комнате у черта на рогах, в то время как его родная сестра в одиночку распоряжается отличной двухкомнатной квартирой в центре Ленинграда.

Узнав об идеях Шурика, Лена сурово сообщила, что это подлость и низость. Думать надо было раньше. Стоило прописаться в ленинградской квартире еще при жизни матери, заручившись ее согласием, а нынешние нападки на сестру — немыслимое свинство.

— И в конце-то концов, нам скоро дадут свое жилье. Нам не нужно отбирать чужое. Егорову так и передай.

У Фролова не было твердого мнения насчет этой квартиры. С одной стороны, когда-то он мечтал вернуться в Ленинград, и квартира, безусловно, была бы нелишней. С другой стороны, ему претила мысль воевать с сестрой. Катька бы сказала: братец, а где ж ты был все эти годы? Почему не общался с матерью, почему не приезжал?

Особенно страшила мысль, что сестра может ткнуть его носом в старые грешки. Не дай бог, расскажет что-нибудь Лене. Вечно боясь разоблачения, Фролов избегал любых намеков на прошлое. Никому не рассказывал ни о детстве, ни о юности. Сам старался не вспоминать и другим не давал. Он не ударил, чтобы не давать сестре повода ударить в ответ.

Через год после смерти матери позвонив по привычному номеру, Фролов услышал незнакомый голос. В доме на Чайковского теперь жили чужие люди: Катя вышла замуж, обменяла квартиру с доплатой и переехала с мужем в Кустанай. С тех пор он ничего о ней не слышал.

Даша Почкуева

Шурик, узнав об этом, окончательно утвердился во мнении, что Фролов дурачок и ему явно чего-то не хватает: то ли ума, то ли твердости характера, то ли деловой хватки. Сестра исчезла, забрав все, что ей причиталось, а Фролов остался в дураках — с женой-гордячкой, без жилья и без особенных надежд.

Сказать по правде, мнение Шурика было недалеко от истины: Фролову перевалило далеко за тридцать, а он все еще ждал своей очереди. Будь он порасторопнее, жизнь могла бы сложиться иначе. Разумеется, сам Шурик добился большего — он женился на Ляле, Ленкиной подруге из обеспеченной семьи, обзавелся хорошей кооперативной двушкой в новом районе и добился неплохой должности в профкоме.

Фролов утешал себя одной мыслью: не все же мерить деньгами. Есть еще моральная, семейная сторона вопроса. Тут упрекнуть Фролова было не в чем: он, в отличие от Шурика, не изменял жене, не выпивал, исправно приносил домой зарплату. Лена не мотала ему нервы и не требовала лишнего. У них был общий ребенок, и ребенок чудесный. Фролов сосредоточил мысли и надежды на сыне.

Закрыв глаза на некоторые нестыковки, Фроловых можно было назвать обычной семьей. Не хуже и не лучше других. Фролов годами мысленно повторял эту мантру, отводя Ваньку в школу и забирая из продленки, сидя на родительском собрании, отворачиваясь

к стене и притворяясь спящим, когда Ленка ложилась на кровать рядом. Он повторял себе это на семейных застольях: *у нас не все так плохо*; повторял всякий раз, когда сердце сжималось от необъяснимого холода, а оно сжималось часто.

Со временем Фролов сумел убедить себя, что его жизнь сложилась не худшим образом, однако червячок сомнения никуда не делся. Его грызла мысль о собственной несостоятельности. Годы шли, сын вырос, квартира все не появлялась. Фролову исполнилось сорок лет. Он играл роль обывателя средних лет в предлагаемых обстоятельствах — в основном перед сыном, но заодно и перед общими друзьями, перед Ленкиными подругами, перед Тамарой Лаврентьевной и ее мужем. Если когда-то он и был другим человеком, то давно об этом забыл.

2

Держась за поручень и мерно покачиваясь в вагоне трамвая, Фролов смотрел в окно. Он старательно не думал о жене и ее любовнике и вместо этого думал о сыне. Сегодня он должен был встретиться с репетитором по английскому для Ваньки. Репетитор жил в двух остановках от общежития.

На другой стороне дороги росли серебряные тополя. От ветра кроны шевелились; белая изнанка изумрудных листочков мель-

Даша Почкуева

тешила перед глазами, будто кто-то с улицы махал Фролову белым платком.

— Улица Карла Либкнехта! — крикнул кондуктор.

Фролов протиснулся к выходу и выскочил из трамвая.

За остановкой виднелась вывеска «Гастроном». По дороге к дому репетитора Фролов закурил, задумчиво пожевывая сигарету. Он прошел мимо кустов боярышника, телефонной будки и цистерны с квасом и наконец увидел дом репетитора. С обеих сторон его зажимали пятиэтажные «панельки».

Сам дом был очень старым и поэтому казался особенно величественным; его три этажа по высоте были равны соседним пятиэтажкам. С фасада осыпалась штукатурка, но каким-то чудом еще держалась лепнина. Подойдя к нужному подъезду, Фролов выбросил окурок в ведро у лавочки и остановился, рассматривая старый фонарь, висящий над подъездной дверью.

— Товарищ! — раздался голос из-за спины. — Вы куда?

Фролов обернулся. На лавочке у подъезда сидели три сморщенные старухи. Одна из них, близоруко щурясь, грозно повторила:

— Вы к кому?

— В четвертую, к Юдину. Юдин здесь живет?

Одна из старух махнула рукой куда-то вверх: мол, иди по лестнице, не ошибешься. Фролов пошел; на лестничной клетке с высо-

ченными потолками гудели лампы, пахло кипяченым бельем, чьи-то дети волокли ржавый велосипед.

Нужная дверь была покрыта слоем ссохшейся краски. Из-под него выглядывал дореволюционный декор; на ручке краска отлетела, и открылся небольшой участок латуни. Фролов нашел взглядом дверные звонки и некоторое время постоял, изучая таблички с разномастными фамилиями. Нужная табличка висела с края. Звонок, прилагавшийся к ней, выглядел самым старым.

Дверь открыла дама преклонных лет — низенькая, кругленькая и седая, с покатыми плечами, покрытыми шалью. Увидев Фролова, она приветливо улыбнулась.

— Вы к Сереже? Входите. У него сейчас ученик, но они скоро закончат.

Фролов зашел в длинный темный коридор коммунальной квартиры. Над дверью висели гроздь проводов, круглые черные счетчики торчали из стены, как бородавки. Под ногами крутилась серая полосатая кошка, она с удовольствием обтерлась о брюки Фролова.

— Налью вам кофе, — пообещала дама. — Разувайтесь, разувайтесь. Сейчас покажу, где можно помыть руки. Томка, а ну брысь!

За чашечкой кофе Фролов почистил брюки и узнал, что даму зовут Роза Эдмундовна. Она занимала вторую по коридору комнату в длинной изгибистой квартире. Квартира еще хранила следы былой роскоши из ушедшей

Даша Почкуева

эпохи, и в комнате Розы Эдмундовны все было чинно: подоконник сиял свежей побелкой, на потолке сохранилась опрятная лепнина. Вдоль стены стояли книжные шкафы и сервант со стеклянными полками; в серванте поблескивал хрусталь, фарфоровые собачки и цветное стекло — ему, наверное, было уже лет двадцать.

Фролов подмечал мелочи безотчетно. Он думал о своей квартире так давно и так часто, что мысли о ремонтах и квадратных метрах вошли в привычку. Он присматривался к чужим потолкам и дверным проемам, изучал стеллажи и лакированные шкафы-стенки. Больше всего ему нравились румынские серванты — легкие, компактные, на тонких ножках — не то что тяжеловесные чехословацкие «гробы» от пола до потолка. Но достать румынский сервант было сложновато, да и Ленке не хватило бы места под постельное белье и посуду.

Он покрутил в руках чашку с кофейной жижой. Роза Эдмундовна пошла за блюдцем. Над столешницей мерно раскачивался круглый абажур. День был длинным, странным и вел неизвестно куда.

Вдруг раздался веселый и громкий голос:
— Мама Роза! А куда это вы пропали?

В дверном проеме появилась встрепанная кудрявая голова; вслед за головой в комнату просочился ее владелец — сияющий и несколько несуразный живчик в красной водолазке

и синих штанах. Штаны были мешковатые и придавали человеку сходство с цирковым клоуном.

– О! Вы маму Розу не видели?

– Она на кухню ушла.

– А вы, наверное, ко мне, – предположил незнакомец и шагнул к Фролову. – От Ирины Михалны?

– Да.

– Мы вроде на шесть договаривались.

– Я пришел раньше.

Фролов привстал из-за стола. Репетитор протянул руку для пожатия:

– Юдин Сергей Саныч, – и вдруг, сделал страшные глаза, он выкрикнул: – Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! Что ты – смерть?! Или исцеленье калекам?..

Поймав ошарашенный взгляд Фролова, репетитор пояснил:

– Ну, Сергей Саныч. Как Есенин, помните?

Почему-то он полагал, что Фролов непременно должен это помнить.

Рука у него была крепкая и горячая. Сергей Саныч был на полголовы ниже Фролова, чуть шире в кости и приземистее; казалось, он даже крепче стоит на ногах. В нем всего было многовато: чересчур черные густые юношеские кудри; чересчур ясные и светлые глаза; чересчур длинный нос; чересчур широкая улыбка. Пружинистая походка и подвижное лицо. Когда он улыбался – а улыбался он постоянно, – между зубами мелькала обаятельная щербинка.

Даша Почкуева

Фролова будто ударили под дых; он стоял растерянный, не зная – то ли улыбнуться в ответ, то ли, наоборот, сделать лицо посуровее. Помедлил буквально секунду, но заминка стала заметной и оттого неловкой.

– Можно просто Сергей, – поспешно добавил репетитор.

– А я... кхм... Фролов.

– Просто Фролов?

Фролов не успел ответить, поскольку за спиной репетитора возникла Роза Эдмундовна. Опять началась суета, репетитор рассыпался в благодарностях и напоследок беззастенчиво клюнул Розу Эдмундовну в щеку, что с точки зрения Фролова было совершенно неуместно при посторонних.

Затем он отвел Фролова в соседнюю комнату и объявил:

– Садитесь.

Просторная комната с большим эркером была залита светом. На полу лежал потертый паркет. У стены слева стоял диван, напротив – легкое синее кресло, а у окна громоздился стол, заваленный книгами. Книги были повсюду: лежали на подоконнике, на полу у двери, а около дивана здоровенная стопка книг заменяла тумбочку.

Фролов тут же подумал: будь это моя комната, я бы распорядился пространством иначе – раздобыл нормальную тумбочку, у выхода поставил велосипед, у двери повесил бы зеркало, под зеркалом сколотил бы шкаф для

обуви. А еще, конечно, натер бы паркет мастикой.

В этих мыслях было что-то спасительное. Фролов думал о комнате, а сам исподтишка разглядывал нового знакомого; чтобы не слишком пялиться на репетитора, остановил взгляд на радиоле у стены. Над радиолой висела полка, забитая разномастными пластинками. Человек, пожелавший вычислить музыкальный вкус Юдина по этим пластинкам, потерпел бы фиаско. Впереди красовалась остромодная пластинка с надписью «Битлз» — полгода назад Ванька умолял подарить ему такую же на день рождения, и Фролов с огромным трудом достал ее через знакомых. За «Битлами» виднелась обложка «Лучшие песни Клавдии Шульженко».

— Ну-с. — Юдин плюхнулся в кресло и откуда-то выудил потрепанный блокнот. — Вы, значит, ищете репетитора по английскому... Сын, дочка? Язык учите просто так или для поступления в институт?

— Сын идет в десятый класс.

— Значит, для поступления, — одобчительно кивнул репетитор и что-то черкнул в блокноте. — Это хорошо, что вы заранее пришли. А то у нас любят в последний момент спохватиться... Как зовут?

— Меня?

— Сына.

Фролов покраснел.

— Ваня.

Тут репетитор улыбнулся, и сразу до ушей.

Даша Почкуева

— А вас как?

— Вова, — машинально сказал Фролов и тут же исправился: — Владимир Павлович.

— Ясно. А чего вы сына с собой не взяли?

— Ну как? Сначала надо договориться.

Юдин глянул в блокнот, снова поднял взгляд и сказал:

— У меня дорого.

Фролова это задело.

— Ясно.

— Хотите в иняз? В этом году как раз проходной балл вырос.

— Нет, — Фролов кашлянул. — Нам надо, чтобы сын поступил в институт в Москве. Пусть это будет дорого, но чтоб наверняка.

Брови репетитора поползли вверх. Он разглядывал Фролова с таким неподдельным интересом, будто судьба свела его с австралийским туземцем. Даже блокнот отложил, чтобы не отвлекаться.

— Вот как, — сказал репетитор.

В тоне не было ни одобрения, ни осуждения, но Фролов бросился оправдываться, за что тут же себя возненавидел:

— Ваня способный парень, можете не сомневаться. Мне рекомендовали вас именно из-за этого. Сказали, что ваши ученики в прошлом году поступили в МГУ.

— Было дело, — согласился репетитор. — Однако гарантий нет, все сильно зависит от ребенка. Ваш сын хочет в какой-то конкретный институт?

— Пока нет, но готовиться надо уже сейчас. Иностраный язык везде будет хорошим подспорьем. Хоть в МГУ, хоть в МГИМО. Где угодно.

Брови Юдина окончательно зажили своей жизнью и поднялись так высоко, что почти слились с кудрями.

— Но позвольте, — сказал он, — вы ведь в курсе, что в МГИМО нет открытого набора?

— Но как же? Официально есть.

Юдин постучал карандашом по блокноту и задумчиво изрек:

— Официально и мясо в магазинах есть... И колбаса, и стерлядь, и сыр рокфор из книги о вкусной и здоровой пище...

«Умника из себя строит, что ли?», — неодобрительно подумал Фролов.

— Хорошо, не в МГИМО. Подойдет любой московский институт.

— Почему именно московский?

— Можно и в ленинградский.

— Да, но почему не здешний?

С точки зрения Фролова, такой вопрос мог задать либо блаженный, либо идиот. Ему хотелось спросить: а вы, Сергей Саныч, давно были на улице? Там-то не ваша просторная комната, не лепнина, не эркеры, не милая мама Роза за стенкой. Там скучный серый город, в котором жизни чахнут, едва начавшись. Мир только и ищет, кого бы сожрать живьем, но Ваню он не получит.

— У вас есть дети?

— Нет, — репетитор покачал головой.

Даша Почкуева

— Но вы, наверное, и так понимаете, что родители всегда хотят лучшей жизни для своих детей.

Юдин покусал губы и пробормотал:

— Да-да, я понимаю... но все-таки...

Фролов перебил с излишней резкостью:

— Вы возьметесь или нет?

Они глядели друг другу в глаза. Казалось, что репетитор силится разгадать в лице Фролова какой-то сложный, но занимательный ребус.

— Ну хорошо, — наконец сказал он. — Приводите сына, посмотрим.

Это была какая-никакая, а все-таки победа. Фролов с чувством пожал репетитору руку. По дороге домой он припоминал детали разговора и смаковал предвкушение. Представлял, как все расскажет Ваньке и как тот скажет ему спасибо за хлопоты.

Дома царило необычное оживление. Из комнаты доносился веселый голос сына. Ванька рассказывал Ленке о каких-то транзисторах. Месяц назад он выпросил набор для радиолюбителя и теперь говорил о нем часами. Отвлекаясь от разговора, Лена выглянула из-за ширмы и увидела Фролова. Улыбка сразу сползла с ее лица.

— А, Вова, привет... Есть будешь?

— Буду, — согласился Фролов и поставил обувь на то место, где днем стояли югославские ботинки.

Лена вытерла руки о полотенце.

– Слушай. Надо обсудить насчет Сени.

Лена старалась говорить очень тихо, чтобы Ваня не слышал. Щеки у нее побледнели, причем не целиком, а пятнами. Фролову стало ее жалко, и мимоходом он удивился: вот, значит, как зовут кавалера – Сеня. С его точки зрения, тот мужик в рубахе с огурцами больше тянул на Эдуарда, Филиппа или хотя бы Антона.

– Лен, а что на ужин? – перебил он чуть громче, чем надо. Лена совсем растерялась.

– А?.. С-сайра.

– С картошкой?

– Ну да.

– С картошкой – это хорошо, – он протиснулся в комнату, обходя Лену, и приземлился за стол напротив Ваньки. – Что там у тебя?

Ванька продолжил тарыхтеть про транзисторы. Лена, косясь на Фролова, разложила по тарелкам рассыпчатую, пышущую жаром картошку с маслом и укропом, затем достала две банки сайры и принесла вилки. Она представляла тарелки, протирала полотенцем и поправляла скатерть, и все это время не сводила глаз с лица мужа.

– Пап, а ты че такой довольный? – спросил Ваня.

Он сидел за столом, забравшись на стул с ногами. Длиннорукий, длинноногий и поюношески нескладный, Ванька напоминал смешное и безобидное насекомое.

– А... у меня новость. Хорошая.

Ленка от неожиданности уронила вилку.

Даша Почкуева

— Я нашел репетитора по английскому.

Ваня поковырял вилкой сайру в банке, нашел кусок пожирнее и отправил его в рот.

— Репетитор хороший, — добавил Фролов, надеясь разжечь в сыне огонек интереса. — Готовит к институту, в прошлом году его ученик даже в МГУ поступил. И живет недалеко, на Либкнехта. Сможешь ездить к нему после школы на трамвае. Скажи, здорово?

— Здорово, — согласился Ванька без энтузиазма.

Он всегда на все соглашался. На него и в три года не могли нарадоваться соседи. Охали и ахали: какой прекрасный, беспроблемный ребенок. Обычно Фролов радовался покладистости сына, но сейчас ему хотелось добиться от Ваньки хоть какого-нибудь чувства, пусть даже протеста или возмущения. Все лучше, чем вежливая безразличность.

— Пойдем к нему завтра. Но ты помни, если вдруг тебе что-то не нравится...

— Ладно, ладно. — Ваня вдруг заметил, как капнул маслом на скатерть. — Ой! Прости, мам.

— Ничего, я уберу.

После ужина сын засобирился к друзьям. Фролову не хотелось оставаться наедине с Леной; он попытался удержать Ваню дома, спросив про уроки.

— Пап, ну какие уроки! Еще даже учебный год не начался.

Тогда Фролов предложил партию в шахматы. Ванька отмахнулся, забрал гитару и ушел.

Все попытки отсрочить неприятный разговор с женой потерпели крах. Фролов включил телевизор, чтобы не сидеть в гнетущей тишине, и невидящим взглядом уставился в экран. На экране появился Аркадий Райкин и завел что-то интеллигентно-ироническое в своей манере. Лена протерла клеенчатую скатерть и убрала остатки сайры в холодильник. Еще какое-то время она ходила по комнате, не находя себе места, и наконец села в кресло напротив Фролова.

— Вов, я так не могу. Скажи хоть что-нибудь.

Райкин в телевизоре громко фыркнул. Фролов отозвался, не отрывая глаз от экрана:

— Что именно? Опять про Сеню?

— Слушай. Я знаю, ты должен был узнать по-другому... Мерзко, конечно, все... И это моя вина.

В порыве чувств она даже закрыла лицо руками. Фролов удивился — прежде Лена не позволяла себе сцен. Даже ругалась как-то тихо, почти не повышая голос. А тут вдруг жесты, заламывания рук, да еще эти неуместные покаяния.

— Ну что теперь, в грудь себя будешь бить? — мягко спросил Фролов, пытаясь как-то успокоить жену. — Было и было.

— Вов, прости меня.

— Перестань.

— Нет, я не шучу. Прости.

— Да чего прости, забыли уже. Просто сделай так, чтобы Ванька не узнал. Он будет дер-

Даша Почкуева

гаться, переживать, еще экзамены завалит. Лучше подожди до института.

— А мы?

— А что — мы?

— С нами-то что?

— Ну, делай, что хочешь. Только Сеню домой не зови. А то Ванька вас застукает или соседи узнают.

Лена посмотрела на Фролова как на ненормального. Открыла рот. Закрыла. Потом опять открыла. Фролов представил, что сейчас будет: рассказ о том, почему она так поступила. Будут аргументы, чем хорош герой-любовник Сеня и чем плох он, Фролов. Фролов и сам догадывался, чем он плох, и совершенно не хотел это обсуждать.

— Не смотри на меня так. Я же сказал: забыли.

* * *

На другой день Фролов повел сына к репетитору. Ванька пробыл в комнате Юдина около получаса. Фролов ждал его в длинном коридоре коммуналки, прислушиваясь к звукам за дверью и гадая, выгорит ли что-то с репетиторством. О Сене и Лене он старательно не думал.

Сегодня Розы Эдмундовны не было. Вместо нее в коридоре мелькали другие жильцы. Где-то шумел телевизор. Под ногами опять крутилась кошка. Открылась дверь вдалеке — вышла сгорбленная старуха, зыркнула на Фролова и, шаркая тапками, удалилась в кухню.

Наконец дверь комнаты открылась, и Ванька вышел в коридор.

— Ну что? — накинулся на него Фролов.

Ванька пожал плечами.

— Нормально. То есть... я не против.

— Но тебе ведь понравилось? Если не понравилось, только скажи — найдем другие варианты.

— Нет, пап. Меня все устраивает.

В дверном проеме появился Юдин. Обведя взглядом Фролова и не заметив недружелюбной старухи, выглянувшей из кухни, он кашлянул.

— Можно вас на минутку?

Ванька покраснел и засобирался.

— Пап, я тебя на улице подожду. Мы ведь домой?

Фролов не хотел домой.

— М-м-м... Да. Но я попозже. Хочешь — езжай один.

Ванька похлопал себя по карманам, ища проездной, поправил сумку на плече и вышел.

Еще пару секунд Фролов и репетитор неловко топтались на узком пяточке у входной двери. Фролов пошел справа — репетитор тоже шагнул вправо, Фролов шагнул влево, но все равно чуть не столкнулся к ним нос к носу. Отпустив смешок, репетитор пропустил гостя в комнату. Фролова нервировало лукавое и понимающее выражение на его лице: будто он замечал неуклюжесть Фролова, но находил эту черту не отталкивающей, а забавной.

Даша Почкуева

Со вчерашнего дня в комнате мало что изменилось. Только на столе теперь лежали исписанные листочки, а из-под дивана на полу торчал уголок журнала.

— Я заставил вас ждать. — Юдин хлопнул себя ладонью по лбу. — Простите, голова дырявая. Обычно мама Роза принимает гостей, но сегодня суббота. В субботу она на даче.

«Зачем ты мне это рассказываешь?» — подумал Фролов. Чем дальше, тем больше он убеждался в том, что репетитор не от мира сего.

— Ясно.

— Хотите кофе?

Фролов хотел.

Дожидааясь кофе, он стоял у эркера, наблюдая жаркое утро разгорающегося августа; за окном качалась тяжелая ветка разлапистого клена. Но больше уличного пейзажа Фролова интересовало само окно — на нем, кажется, даже шпингалеты были дореволюционные.

— Сын у вас замечательный, — сказал Юдин, заноса в комнату чайник. Он достал откуда-то две разномастные кружки, щедро насыпал кофе, плеснул кипятку и размешал.

Фролов вздрогнул от звука ложечки, звонко бьющейся о стенки, и отвернулся от окна.

— Значит, вы возьметесь за него?

Вместо ответа Юдин протянул кофе.

— Берите. Сахар в миске.

— Спасибо, — Фролов взял кружку. — Так вы возьметесь или нет?

— Давайте сначала присядем.

Фролов сел на диван, Юдин тоже. Его подвижное молодое лицо оказалось напротив. Фролов старался лишний раз в него не всматриваться: то казалось, что репетитор слишком молод, то, наоборот, что чересчур опытен. Он побаивался людей, сочетающих в себе прямоту и пронизательность.

— Я задам один вопрос, только вы не обижайтесь.

Формулировка подсказывала, что именно после таких вопросов люди и обижаются.

— Ваня знает, что вы хотите отправить его в Москву?

— В каком смысле? — переспросил Фролов и, не дожидаясь ответа, продолжил: — В смысле учебы? Конечно, он знает, что после школы надо куда-то поступать.

— Нет, я имею в виду переезд. У меня сложилось впечатление, что Ваня... Ваня очень добрый. Домашний мальчик. Таким ребятам обычно тяжело отрываться от родителей. Мне на его месте было бы тяжело.

— Ну... э-э... да, он домашний. Это плохо?

— Нет.

— Вот и я так думаю. Нет ничего дурного в том, что наши дети не такие закаленные, как мы. В конце-то концов, этому поколению уже не нужно осваивать целину.

Он сказал так, чтобы щелкнуть Юдина по носу: разговор о целине совершенно не вязался ни с обликом Юдина, ни с его манерами, ни с привычным ему миром.

Даша Почкуева

Юдин в ответ лишь улыбнулся.

— Да, вы правы, это совсем неплохо. Но Ване придется в одиночку переехать в другой город и там устроиться. Не то чтобы мое мнение что-то значило, но вам не кажется, что ему будет трудно?

Фролов промолчал. Внутри его смутно клубилось и ворочалось чувство без названия где-то между гневом и восхищением: надо же, какой наглый. Еще ничего не знает, а уже советы раздает.

— Вы поймите, — торопливо прибавил Юдин, — здесь все зависит от желания. Мы с вами можем увлечь парня английским и здорово подтянуть его за год. Но если он сам не захочет ехать в Москву или Ленинград...

— С чего вы взяли, что не захочет?

— Я спросил у Вани, какие у него планы после школы. Он говорит, что раздумывает о радиотехнике. Английский там не нужен.

Фролов стиснул кружку. Предчувствие не обмануло: этот Сергей Саныч говорил так, будто лучше его знал Ваньку. Будто ему хватило получаса, чтобы все понять и просчитать. Теперь он считал себя вправе попрекать Фролова. Мол, вы, дорогой Владимир Палыч, тешитесь мыслью, что ваш сын далеко пойдет. А сынок-то ваш предпочтет остаться в этой богом забытой дыре. У него кишка тонка уехать.

Фролов взял себя в руки и медленно, с расстановкой произнес:

— Вы Ваню не слушайте. Он не любит разочаровывать взрослых. Вы спросили об институте, а он постеснялся сказать, что планов нет. Мое мнение — надо готовиться к институту уже сейчас, а к какому именно, мы пойдем в процессе.

— А если Ваня поймет, что все-таки хочет в наш институт, а не в Москву?

— По-вашему, мой сын идиот?

— А что, на радиотехнику поступают идиоты?

— Если у Вани есть возможность уехать в город получше, а она у него есть, зачем ему оставаться?

— Здесь дело не в возможностях. — Юдин покачал головой. — Слушайте, я знаю, как это выглядит. Я лезу в душу и задаю неудобные вопросы. Конечно, уедет Ваня или нет — решать Ване. И вам... и вашей жене...

Про жену он сказал после паузы, будто спохватившись.

— Но я же не просто так вам надоедаю. Вы хотите гарантий, что Ваня поступит в МГУ, а я не могу их дать. Я даже не уверен, что Ваня захочет поступать в МГУ. И сам Ваня в этом не уверен. Как бы мы ни выстроили учебную программу, все может пойти псу под хвост.

— А вам что, деньги не нужны?

— Я просто не хочу, чтобы вы зря их тратили.

Фролов вспомнил вчерашнее «у меня дорого» и то колкое чувство ущербности, которое он после этого испытал.

Даша Почкуева

— Очень... ммм... любезно с вашей стороны. Мне пора идти.

Внезапная смена темы огорошила Юдина. Он встал с кресла. Лицо у него было растерянное.

— Владимир Палыч, вы меня простите. Я совсем не хотел обидеть.

— Вы и не обидели, — солгал Фролов и поставил нетронутую кружку с кофе на столик.

— Решение целиком за вами, и ваши деньги, сын, ваша жизнь — совершенно не мое дело. Просто я хочу быть честным и не обещать лишнего. Извините, если перегибаю. Это со мной бывает.

Фролов подумал: интересно, он так пытается зацепить и удержать? Эти взгляды, улыбки, душеспасительные разговоры про сына, уверения в честности — иными словами, попытки набить себе цену — все это действительно работает? Наверное, да, раз Фролов до сих пор не ушел.

— Мне пора, — повторил он, окончательно разозлившись. Ему уже хотелось уйти из принципа — чтобы Юдин не думал, что его приемчики останутся безнаказанными.

— А что насчет Вани?

— Насчет Вани не беспокойтесь.

— Владимир Палыч...

— Мне правда пора идти.

Юдин проводил его до дверей, бормоча под нос извинения. В темном коридоре они с Фроловым чуть не столкнулись плечами. Буркнув

дежурное «до свидания», Фролов вынырнул из коммуналки и, торопясь, спустился по лестнице. Ступенька, вторая, быстрее, быстрее. Выбрался на свет, вдохнул, зажмурился: слава богу.

3

Август перевалил за середину. На излете лета время замедлилось, стало вязким и монотонным, и казалось, что солнце, неподвижное и огромное, все время стоит в зените, лениво вглядываясь в человеческое копошение где-то внизу. Ванька наслаждался последними деньками каникул и редко появлялся дома. Лена тоже где-то пропадала — как подозревал Фролов, встречалась с Сеней, пытаясь урвать час-другой после работы.

Фролов частенько ловил себя на мысли, что придумывает остроумные ответы для репетитора — колкие и злобноватые, с оттенком превосходства. Они бы точно сбили с Юдина спесь. Что может знать о воспитании бездетный, бессемейный, ни за кого не отвечающий человек? Вырастил бы сначала парочку своих детей, а потом лез с ценным мнением в чужую семью.

Это ничем не прикрытое чувство гнева было для Фролова ново. Он давным-давно не испытывал такого яркого раздражения и теперь не знал, куда его деть. Мысленно он возражал репетитору, но где-то в глубине души

Даша Почкуева

его грызло сомнение: а что, если Юдин прав насчет Вани? Пару раз Фролов нарочно заводил пространные разговоры о том, как дети уезжают из родительского дома, и спрашивал, куда Ванины сверстники собираются после школы. Ваня в ответ пожимал плечами и отшучивался.

— Хочешь меня сбегать? Еще чего!

А за четыре дня до первого сентября вскрылось ужасное. За ужином Фролов предложил съездить в универмаг и купить канцтовары.

— Давай в выходные или в пятницу, а то мне завтра еще за книгой ехать к одному студенту. Я не рассказывал? Живет на другом конце города, ехать далеко, но дело стоящее. — Ваня намазал на хлеб большой кусок масла и с удовольствием откусил. — Сеффгесаффч дфал аффрес...

— Прожуй сначала.

— Сергей Саныч дал адрес. Парень у него в прошлом году учился. У него папаша из каких-то важных шишек, у них дома есть иностранная литература. Может дать почитать Конан Дойла. Будем по нему английский изучать.

От неожиданности Фролов замер, не донеся до рта вилку.

— Ты ходишь к репетитору?

— Хожу, конечно, — согласился Ваня. — По средам после обеда, как договаривались.

— Мы не договаривались.

– Э-э-э... да? А я так понял, что все улажено. Лена переводила взгляд с Вани на Фролова. Фролов покраснел и ковырнул вилкой гречку.

– И сколько уже занятий было?

– Сегодня третье.

– Мог бы предупредить.

– Я думал, ты знаешь.

– И что, ты собираешься и дальше к нему ходить? – все больше раздражаясь, уточнил Фролов.

– Ну... э-э-э... да. Мы прошли тест. Разговаривали. Он проверял, как я на слух понимаю. Кстати, он так здорово по-английски шпрехает – как эти... синхронные...

– Синхронисты, – негромко подсказала Лена.

– Точно.

– А деньги? Кто за это платит?

– Я думал, ты вперед заплатил.

С лица Фролова схлынула краска. Теперь он сидел бледный, до боли стиснув в руках вилку. Лена поглядывала на него с опаской, будто ждала, что сейчас он издаст вопль отчаяния и со всей дури воткнет вилку в стол.

– Короче, завтра я сметаюсь за книжкой, – закончил Ваня, тоже косясь на отца. – А послезавтра, в пятницу, купим канцтовары. Идет?

– Ладно, – сказал Фролов и положил вилку на стол. Его самого напугала собственная реакция. – Прости, что-то я... неверно понял... А что насчет института?